

Нефедов Филипп Диомидович

Святочные рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Ф53

Ф53 **Филипп Диомидович Н.**
Святочные рассказы / Нефедов Филипп Диомидович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
215 с.

ISBN 978-5-519-99336-4

ISBN 978-5-519-99336-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

рано и безжалостно разбитую жизнь; но глаза дѣвушки поднялись къ небу, и ей показалось, что на востокѣ что-то какъ будто заблѣлось... Откуда-то разомъ нахлынули воспоминанія и овладѣли душою несчастной: лицо старушки, доброе, ласковое и милое лицо, во всей своей тихой и печальной прелести возстало передъ внучкою. Лицо это смотрѣло съ такой всепрощающей любовью и ласкою, что дѣвушка подняла руки, какъ бы желая привлечь къ себѣ этотъ дорогой образъ... За лицомъ бабушки мелькнуло другое лицо, молодое и веселое: это—сестра. Вотъ и старый домикъ, выглянувшій изъ-за садика... Какъ хорошо тамъ, весело и шумно! Собрались рѣзвыя подружки, говорятъ, хохочутъ. Видить, облѣпили ее дѣвушки, приступаютъ къ ней, зовутъ играть. Всѣ шумной толпой бѣгутъ въ садъ... Весна, деревья одѣлись свѣжей, густой листвою, все цвѣтеть и радуется. Началась игра въ горѣлки; крикъ, смѣхъ и бѣготня... Бабушка съ сестрой глядятъ изъ окна. Старушка машетъ рукой и зоветъ:

— Паша! али не слышишь? — раздается ея голосъ.—Поди чай пить, дожидаемся!

— Самоваръ готовъ, зови всѣхъ въ горницу!— кричитъ изъ другого окна сестра.

— Милыя мои, — шепчетъ Паша.—Вы любите меня...

Между тѣмъ свѣтъ на востокѣ усиливался, разливался шире и постепенно позолачивался. Дѣвушка стояла неподвижно, вся отдавшись воспоминаніямъ о прошломъ, счастливомъ и прекрасномъ

прошломъ... Но вотъ по лицу ея скользнула какая-то тѣнь, на лбу легла глубокая морщина, и губы ея дрогнули...

— Обмануль! Насмѣялся, — выговорила она. — Я—грѣшница, нѣтъ мнѣ прощенія... Лучше смерть, чѣмъ стыдъ и позоръ!.

И она быстро подалась впередъ, — подалась и перекрестилась.

Въ это самое время раздался первый ударъ большого колокола, раздался среди всеобщей тишины и торжественнымъ гуломъ пронесся по окрестности; за нимъ послѣдовалъ другой, третій и вслѣдъ за ними понесся благовѣстъ со всѣхъ колоколенъ фабричнаго села... Дѣвушка стояла пораженная этимъ торжественнымъ звономъ; она вспомнила,—наступление какого великаго праздника возвѣщаетъ этотъ звонъ. Глаза ея невольно опять поднялись на озаренный востокъ, и она увидѣла въ лучезарномъ сіяніи пречистую Дѣву-Мать съ божественнымъ Младенцемъ на рукахъ. Молодая дѣвушка смотрѣла на это чудное видѣніе, не сводя глазъ, и ей слышались съ высоты ликующаго неба радостныя слова: „Христосъ родился. Нѣтъ больше грѣшныхъ. Онъ Своею кровію искупитъ грѣхи міра. Ты спасена!“ Видѣніе пропало, и золотой край мѣсяца выплылъ...

Затихъ колокольный звонъ. Въ церквахъ идетъ утренняя; „Христосъ рождается, славите“, поютъ на клиросахъ, ярко горятъ передъ иконами восковыя

свѣчи, несется кверху кадильный дымъ, и тысячи вѣрующихъ, съ радостными лицами, горячо молятся родившемуся Спасителю, приносящему съ собой въ міръ любовь и прощеніе.

Въ старомъ домикѣ, пріютившемся между голыми деревьями въ саду, посреди небольшой, но чистой и уютной комнатки стоитъ худенькая старушка, съ сухимъ лицомъ, и благоговѣйно шепчетъ молитвы; передъ образами, въ посеребренныхъ окладахъ и ризахъ теплятся лапмадки, и горятъ тоненькія восковыя свѣчки, разливая вокругъ мягкій и кроткій свѣтъ. Старшая внучка молеельщицы—въ церкви, а младшая... она пропала, около полугода покинула домъ, и Богъ знаетъ гдѣ теперь... Бабушка усердно молится за нее. Слабый стукъ раздался съ крылечка, но старушка не слышала. Немного погодя стукъ повторился.

„Кто это? — подумала бабушка. — Должно-быть мнѣ почудилось“.

Но опять слабый стукъ, прервавшій молитву... Старушка достала лучину, зажгла отъ свѣчки, и пошла въ сѣни.

— Кто тамъ?—спросила она.

Чей-то знакомый, робкій голосъ отвѣчалъ:

— Бабенька, пусти!

Лучина въ рукахъ старушки задрожала; она торопливо отодвинула засовъ и отворила дверь. Не сразу узнала она стоявшую передъ ней дѣвушку.

— Владычица небесная!—вскрикнула старушка, всмотрѣвшись въ лицо своей вернувшейся внучки.— Паша! родная ты моя!

— Бабенька!

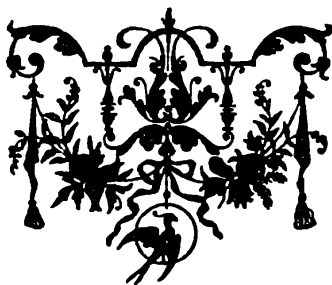
Раскрыла свои худыя руки старушка, и Паша упала къ ней на высохшую, но бьющуюся любовью грудь и зарыдала.

— Что ты, дитятко? Господь съ тобой!—успокоивала внучку бабушка.—О чемъ ты?

— Я... я виновата,—лепетала она:—прости меня. Онѣ вошли въ комнату.

— Полно, дитятко,—говорила старушка, крестя внучку и цѣлуя ее въ голову.—Ты не виновата. Сегодня Христосъ родился, и всѣ грѣхи прощены...

Правда, любовь и прощеніе грядутъ на землю.

На берегу моря.

Солнце опустилось на самый горизонтъ. Покидая землю, оно пріостановилось, какъ будто бы, на минуту, точно о чемъ задумалось. Посмотрѣло оно еще разъ на морской берегъ, съ разбросанными по его холмамъ домиками, посмотрѣло на громады каменныхъ горъ, съ отсвѣчивающими на синемъ фонѣ бѣлоснѣжными вершинами, посмотрѣло на все и, пославъ землѣ и людямъ прощальную свѣтлую улыбку, быстро стало погружаться въ морскую гладь; сверкнувъ золотымъ обрѣзомъ, оно потонуло въ спокойной лазури безбрежнаго моря. И, какъ только оно скрылось, по всему берегу пронесся могучій вздохъ опечаленной земли; отъ ея вздоха похолодѣлъ воздухъ; больные, посиживавшіе на терраскахъ домиковъ и скамеечкахъ подъ деревьями, спѣшили поскорѣе укрыться въ свои помѣщенія; темно-зеленые, вѣчно-задумчивые кипарисы еще больше потемнѣли и задумались; одни иммортели да зеленые лавры съ миртами тихо чему-то улыбались и радовались. Золотистая, нѣжно - пурпурная зорька

вспыхнула на краю неба, вспыхнула — и, поблѣднѣвъ, тотчасъ же потухла. Кругомъ разомъ все стемнѣло и затихло; день быстро смѣнился ночью, и съ моря опять потянуло тепломъ.

I.

Ночь была, даже по югу, необычайно теплая и величаво-молчаливая. На берегу и въ горахъ, одѣтыхъ въ сумракъ и погруженныхъ въ чуткій сонъ или дремоту, — ни одного звука, ни голоса; такая же тишина стояла и на морѣ, на этомъ рѣдко когда смолкающемъ, постоянно шумящемъ и сердитомъ Черномъ морѣ, — даже легкаго прибоя не слышно, развѣ только иногда донесется до слуха мелодичный плескъ ласкающейся къ берегу шаловливой волны. Не такъ было вверху, на темносинемъ сводѣ неба: усѣянный милліонами звѣздъ, онъ сверкалъ разноцвѣтными огнями и какъ будто весь сотрясался. Спокойное, безпредѣльно-широкое море, отражая на своей поверхности опрокинувшееся въ него небо, заботливо и бережно держало его въ своихъ объятіяхъ, боясь малѣйшимъ своимъ движеніемъ потревожить хотя одну звѣздочку. Въ окнахъ домиковъ и гостиницы пансіона мелькали привѣтливые огоньки; порою, отъ свѣта лампъ, виднѣлось за стеклами дѣтское личико, обрисовывалась тѣнь кудрявой головки, показывалось блѣдное худое лицо. Въ одномъ изъ такихъ домиковъ, стоящемъ на холмѣ, почти надъ самой водою, съ выходящею на море терраскою, въ уютной свѣтлой комнаткѣ, сидѣла за самоваромъ, въ мягкомъ креслѣ,

дѣвушка, склонивъ свѣтлорусую красивую голову надъ бѣлою фарфоровою чашкой; она долго не измѣняла своего положенія, позабывъ о давно налитомъ чаѣ, позабывъ и о томъ, что изъ-за двери другой комнаты слѣдили за ней чьи-то глаза.

— Барышня! да будетъ вамъ,—послышался изъ двери негромкій голосъ, и выглянуло женское лицо.— Кушайте чай... Чего вы затуманились?

Дѣвушка подняла голову. Если бы не матовая блѣдность лица, не усталое болѣзненное выраженіе голубыхъ глазъ и худоба, ее можно было бы назвать красавицею,—такъ правильны, тонки и благородны были черты этого хорошаго и симпатичнаго лица.

— Я все думаю, Маша,—отвѣтила она тихо на голосъ своей горничной.—Доктора никогда не скажутъ правды...

Дѣвушка закашляла, розоватыя пятна показались на лицѣ. Она взволновалась.

— Вотъ опять!..—проговорила она.—Давно этого не было... Неужели же...

Она не кончила и снова печально опустила голову.

— Успокойте себя, Наталья Митревна,—заговорила горничная.—Богъ милостивъ, опаснаго, можетъ, ничего нѣту, а это такъ, милая барышня... Ей Богу! Много тревоги наиспринимались, такъ вотъ это самое и того...

По круглому краснощекому лицу говорившей, по сѣрымъ большимъ глазамъ, по говору и дород-

ности всей фигуры, не трудно было съ перваго же раза догадаться, что это — простая русская женщина, какъ-то случайно перенесенная съ холоднаго сѣвера на теплый югъ. И, дѣйствительно, „Маша“, то-есть Марья Никитична, вмѣстѣ съ барышней, пріѣхала въ Крымъ изъ одной нашей сѣверо-восточной губерніи.

Свѣтъ отъ лампы, сквозь бѣлый шаръ, падаетъ на прелестные волосы дѣвушки, тонкія ея плечи и широкія, свободно лежавшія на груди складки лифа чернаго платья.

— Перестаньте же, моя красавица! — снова начала уговаривать Маша. — Право, не изъ-чего кручиниться. Взгляните-ка лучше на свою толстую дуру, покажите мнѣ свои веселенькіе глазки!

Барышня взглянула, и слабая улыбка освѣтила ея грустное лицо.

— Ну, вотъ и ничего, личико опять у васъ миленькое! — обрадовалась толстушка. — Погодь малость, мы къ веснѣ какъ расцвѣтемъ — любо-дорого на насъ будетъ смотрѣть!

— Да вотъ, Маша, этотъ противный кашель, — заговорила нѣсколько успокоившаяся дѣвушка. — Боюсь я его...

— Охота вамъ объ этомъ кашлѣ думать! — подхватила горничная. — Пļюньте вы на него, онъ, негодный, и отвяжется, Наталья Митревна.

Барышня повеселѣла.

— Садись, моя Маша, давай вмѣстѣ чай пить, — сказала Наталья Дмитріевна, — а одной мнѣ не хо-

чется... Знаешь, какой завтра праздник? Ты посидишь со мной, расскажешь что-нибудь... Я очень люблю, когда ты сидишь против меня, пьешь со мной чай и рассказываешь...

— А это я съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ,—отвѣтила живо толстушка.—Я и раньше бы къ вамъ присусѣдилась, да никакъ не удосужилась: пока самоварчикъ на столъ поставила, на кухню сбѣгала, съ поваромъ погрызлась.

— Изъ-за чего ты съ нимъ?

— А маслица давѣ утромъ свѣженькаго не подалъ, сливки прогорклые прислалъ.

— Оставь, Маша. Объ этомъ надо хозяину сказать, а поваръ тутъ не при чемъ.

— А я развѣ, милая барышня, и тому спуску дамъ?—побѣдоносно заявила вѣрная служанка.—Какъ же! того, лису-то, я еще предъ обѣдомъ, какъ за кушаньемъ для васъ бѣгала, такъ-то ли отчитала, что слова единого супротивъ меня не нашелъ сказать, только плюнулъ. Грабятъ разбойники, рады, что мы однѣ на чужую сторону захали, живемъ здѣсь безотвѣтными,—какъ сиротинушки горемычныя. Такъ этакимъ мошенникамъ да потакать, подставлять имъ беззащитную шею? Я скорѣе въ океанѣ этомъ Черномъ морѣ потоплюсь, чѣмъ, сирота я круглая, дамъ въ обиду свою крошку-барышню!

— Ахъ ты, Маша, дорогая моя Маша!—съ глубокимъ чувствомъ произнесла барышня, встала и

обняла беззащитную сироту.—Одна ты меня утѣшишь, одна ты защитишь свою несчастную, больную Наташу...

II.

Два года живетъ на южномъ берегу Наталья Дмитриевна Поливанова. Третій годъ злой недугъ подтачиваетъ, какъ червь нѣжное растеньице, силы молодой дѣвушки; красота ея медленно увядаетъ, блекнутъ щеки, упадаетъ замѣтно грудь, и томится больная вдали отъ всего, что ей такъ дорого, мило и свято. Дочь отставного генерала, георгіевскаго кавалера, она получила образованіе въ одномъ изъ лучшихъ столичныхъ институтовъ. Девятнадцать лѣтъ, стыдливая и вся смущенная, она, по желанію отца,—мать у нея умерла двумя годами раньше, — вступила въ высшій провинціальный свѣтъ и съ перваго же своего появленія обратила на себя общее вниманіе: молодая красавица, граціозная, изящная, дочь богатаго отца, имѣвшаго большія связи въ столицѣ и пользовавшагося большимъ уваженіемъ со стороны мѣстнаго общества! Толпа поклонниковъ окружила Наташу Поливанову; ея руки добивались молодые люди лучшихъ и богатыхъ фамилій. Но ни одинъ изъ нихъ не могъ расположить къ себѣ сердце дѣвушки; выборъ ея палъ на человѣка скромнаго происхожденія, редактора мѣстной газеты, пріобрѣтшей симпатіи учащейся молодежи и большинства образованной провинціальной публики.